

Нужны простые истины

Режиссер Татьяна КАЗАКОВА вот уже несколько лет возглавляет Санкт-Петербургский театр комедии. За эти годы было пережито многое:

конфликтные ситуации с актерами, удачи и неудачи. Но зрительный зал не пустует никогда, а на жанр комедии Казакова смотрит очень серьезно.

Впрочем, не только на это. Наш разговор — о сегодняшнем состоянии российского театрального процесса, о тенденциях в драматургии, потребностях зрителя.

— Татьяна Сергеевна, одной из самых ярких примет нынешней театральной жизни является уверенное наступление молодой режиссуры. Их спектакли подчас имеют гораздо больший резонанс, чем произведения опытных мэтров. С чем, по-вашему, это связано?

— Мне кажется, это возмездие за прежнюю тоталитарную режиссерскую политику. Когда во главе театров в течение длительного времени стояли такие «монстры», как Гончаров, Любимов или Плещеев, они почти никого в свои коллективы не пускали. Либо отдельные режиссеры существовали там в качестве «негров» — они делали основную работу, потом приходил главный и все это убирал. И человека на самом деле уже и не воспринимали как режиссера. Так они и умирали.

В то же время все эти факторы как существовали, так и существуют поныне. Наша государственная театральная система настолько косна и неподвижна, что порождает какую-то мертвечину. Все новое, попадая в нее, теряется в бесконечно однообразном повороте этого механизма. И несмотря на отдельные свежие веяния, главная задача нашего театра остается прежней — выработка закона о театре, в котором юридические аспекты должны стоять на страже творчества.

— Больше года назад мы с вами говорили на эту же тему. Что-то сдвинулось с мертвой точки?

— Мне кажется, нет. Мы ждали нового трудового законодательства, которое приняла Государственная дума, но там ничего не изменилось в творческой сфере. Причем пару лет назад та же Дума рассматривала проект закона о театре хотя бы в первом чтении. Я сама на последнем съезде СТД слышала выступление Валентины Матвиенко, которая высказывала какие-то критические замечания по этому поводу. Но сейчас — полный штиль. На мой взгляд, все это очень плохо.

— Что вам видится в качестве основных проблем?

— На мой взгляд, положение актерского цеха чудовищно. У театра нет сил и возможностей пригласить

Т. Казакова

артиста из провинции. Сейчас идет просто открытая покупка. Есть у театра деньги — он покупает актера. Уровень звезд, которые являются национальной гордостью страны, упал до отметки бедствия, особенно в период их старости и грозящей немощи. Смотреть на это просто невозможно. Молодое актерское поколение, вступая в жизнь и видя все это, говорит: мы не хотим так жить. И поэтому они раньше времени сами себя опустошают, разбазаривают бесконечной бедотней за денежным фетишем.

— Между тем, говоря о государственном театре, принято вспоминать такое понятие, как традиция, которую нельзя нарушать. Актуально ли оно сегодня, и в чем, на ваш взгляд, его суть?

— Я очень осторожно отношусь к понятию традиции. О ней, мне кажется, больше говорят, нежели она существует на самом деле. По-моему, театральная традиция — это культура отношений между людьми внутри театра. Она включает в себя отношение к роли, спектаклю, репетициям. Это этика, которая, на мой взгляд, сегодня в театре вообще отсутствует. Есть некая видимость демократии, которой в театре в принципе быть не может. Потому что там существует очень строгая субординация. Этика была у Станиславского, потому что Художественный театр — его личное детище. И артистов они с Невмировичем-Данченко набирали сами. Этические вопросы диктуются человеком, для которого этот театр — его, от и до.

Еще, что касается традиций, я считаю, их следует понимать только в высоком художественном смысле. Кажется, что МХАТ, например, немислим без постановки пьесы Чехова. Но будет ли этот спектакль хорошим или нет, никто не знает. И никто не повторит успех первой «Чайки». Или возьмите вахтанговскую «Принцессу Турандот» 1922 года — это феномен.

На мой взгляд, когда ты ставишь пьесу, то сопрягаешь ее с тем временем, в котором живешь. Если появляются точки соприкосновения классической вещи с сегодняшним днем, тогда что-то получается. Поэтому простое обращение к пьесам

Чехова или Горького вовсе не означает следования традициям.

— А новая постановка пьесы Евгения Шварца «Тень»? Она, как известно, была режиссерским шедевром Николая Акимов в Ленинградском театре комедии и потом неоднократно появлялась в его репертуаре.

— Акимов впервые поставил «Тень» в 1940 году. И для него эта пьеса Шварца была, конечно, огромным событием. Он встал во главе Театра комедии в 1935 году, жил духом времени, цитировал Мейерхольда, и ему тоже хотелось создать современную вещь. Но сделать это ему тогда не разрешили бы. А в «Тени» вырвала сказочность формы. Спектакль долго оставался в репертуаре. В 1960-е годы Акимов сделал его возобновление. В 80-е «Тень» ставил тогдашний руководитель театра Аксенов. Его версия была очень близка акимовской, шла в его декорациях и костюмах. Да и публика всегда очень любила этот спектакль.

— Вы тоже будете следовать традиции или предложите абсолютно новый вариант?

— Я лично разговаривала со всеми «стариками», участвовавшими в легендарном спектакле, и спрашивала каждого: оставьте как было, или сделать по-новому? Практически все ответили, не задумываясь: конечно, по-новому. Это меня поразило. Совершенно удивительный ответ. Честно говоря, я ожидала другого. Но знаете, когда я смотрю фото акимовского спектакля разных лет, то вижу, что очень многое менялось и у него самого.

Я беру пьесу «Тень» для того, чтобы она продолжала жить в театре. Ведь очень многие, ныне пожилые артисты, остающиеся в нашем коллективе, в нее вошли молодыми. Считаю, что лучшая традиция заключается в том, чтобы прочесть пьесу так, как мы ее понимаем сегодня. Копирование — это мертвечина, очень скучный театр.

— Что сегодня вас увлекает в «Тени»?

— Мои и зрительские интересы должны обязательно совпадать. И я думаю, что сегодня, как это ни странно, публике нужна сказка. Всем остальным человек уже перегружен: чернухой, экстримом, детективами, ужастиками. Нынешнему зрителю хочется простых вещей. Существует тоска по душевному покою, по чему-то прочному и настоящему, изложенному доступным языком. Все, что мы называем авангардом, на сегодняшний день уже отработано и публикой не воспринимается. Это мое личное ощущение.

Есть какая-то забавность в самом жанре сказки. Почему такую феноменальную популярность в мире имеют, например, истории о Гарри Поттере? Потому что происходит какой-то виток в восприятии и сознании человечества. И оно сейчас тяготеет, на мой взгляд, к простым истинам. Но при этом я сразу отрицаю понятие примитива.

— А социальные мотивы, заключенные в той же «Тени», уже не важны?

— Нет, конечно, важны. Мы все из них состоим. Но мне хочется очень аккуратно и осторожно к этому подойти. Потому что когда они выпирают, когда именно на них строится интерпретация классики, у меня это вызывает внутреннее сопротивление.

— Сегодня многие молодые режиссеры и драматурги говорят о том, что Чехова нужно положить на полку, чтобы отдохнули и он, и зритель.

— Мне кажется, что наша современная драматургия находится только в процессе становления. В том, что я читаю, вижу пока только тенденцию. Возьмите нашумевший «Терроризм» братьев Пресняковых. Для меня это — газета, не драматургия. Мысли умные, интересные, но это не драма. На мой взгляд, тут нет театра. Ведь театр содержит в себе некое душевное движение, которое зашифровано в событии. Если этого нет, то отсутствует и связь с публикой. Многие из «нового», мне кажется, нельзя поставить на сцене.

Что же касается Чехова, то, хотим мы того или нет, он все равно останется драматургом номер один XX века — по тому, как он строит конфликт, героя, как он смотрит на эту жизнь. На Западе, если в репертуаре театра нет Чехова, то это театр очень низкого уровня. И Чехов там воспринимается как один из самых современных авторов. Другое дело, что ранг этой драматургии требует больших артистов.

— Вы руководите Театром комедии. Это вроде бы любимейший жанр публики, но, как ни парадоксально звучит, многие теоретики и практики заявляют, что ощущают тоску по серьезу, по иным, высоким жанрам.

— А мне кажется, сегодня нет сил поднять трагедию. Прежде всего актерских сил. Это вещь очень серьезная, требующая огромного темперамента, высокого речевой культуры. Энергетический заряд должен быть очень мощным.

Что же касается комедии, то я считаю, что она всегда была, есть и будет. И утверждаю, что она очень разнообразна. Русская комедия никогда в чистом виде комедией не являлась. Дай Бог, чтобы нашлись артисты, способные сыграть пьесы Сухово-Кобылина, Салтыкова-Щедрина, да того же Грибоедова.

— А как вы относитесь к массовому явлению мюзикла на наших сценах?

— Более страшного названия, мне кажется, нет на свете. Все этого очень хотят. У нас в коллективе тоже есть много артистов, которые поют и танцуют. Но слово «мюзикл» меня приводит в содрогание, потому что сразу понимаешь, как это будет выглядеть. Ведь настоящий мюзикл, в свою очередь, требует определенного уровня профессионализма, высокого вокального и танцевального мастерства. К тому же нужны классные хореографы и композиторы, если речь идет о работе с нуля.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА